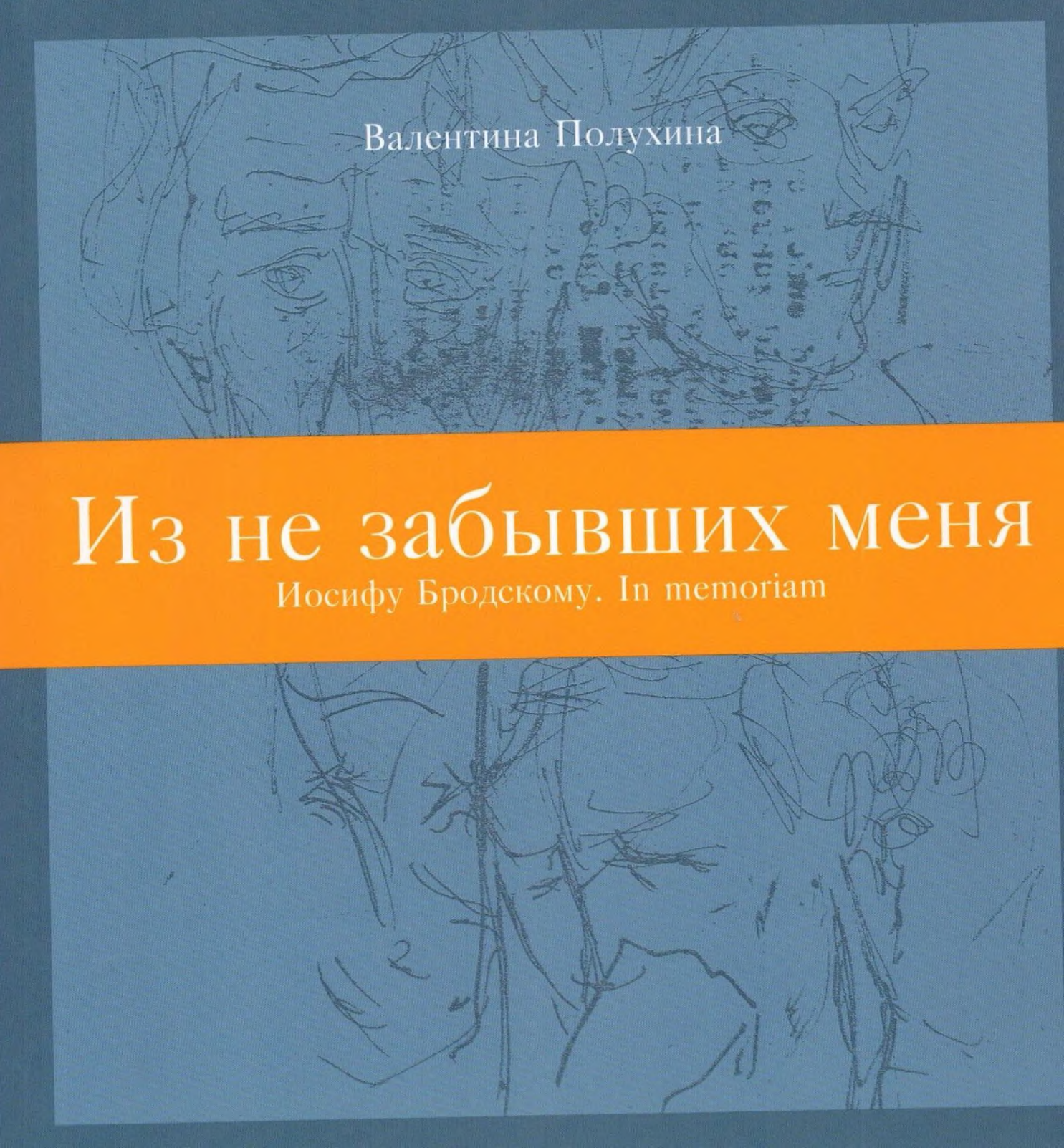

Валентина Полухина

Из не забувших меня

Иосифу Бродскому. In memoriam

Проект осуществлён при поддержке
Baryshnikov Productions Inc.
Президентского центра Б. Н. Ельцина
ФГУП «Редакция “Российской газеты”»

Выражаем глубокую признательность
Михаилу Барышникову и Юзу Алешковскому

Искренне благодарим Российскую национальную библиотеку
и лично Н. И. Крайневу за любезно предоставленные рисунки
И. А. Бродского

Художественное оформление — *Евгений Беляев*

ISBN 978-5-904255-27-5

© В. П. Полухина, предисловие,
составление, 2015
© Авторы, 2015
© Переводчики, 2015
© В. А. Суханов, послесловие, 2015
© Анн Пуркис, фото, 2015
© Фонд наследственного имущества
Иосифа Бродского, 2015
© ИД СК-С, 2015

УДК 821.161.1(092)
ББК 83.3 Р7
П 55

Полухина В. П.
П 55 Из не забывших меня: Иосифу Бродскому. In memoriam. — Томск:
ИД СК-С, 2015. — 496 с.: ил.

ISBN 978-5-904255-27-5

Поэзия — непрекращающийся диалог с теми, кто был до тебя. Чем выше «собеседник» в условной исторической «табели о рангах» (а каждый пишущий точно знает, что она есть), тем более выражено благодарное стремление соответствовать. Очень разные российские и иностранные поэты, посвящая Иосифу Бродскому стихи на многих языках, демонстрируют бесконечную признательность этому имени мировой культуры, сделав его своим камертоном — художественным и человеческим.

В Антологию, составленную Валентиной Полухиной, вошли тексты почти двухсот авторов и переводчиков.

Валентина Платоновна Полухина

**Из не забывших меня
Иосифу Бродскому. In memoriam**

Составление — *Валентина Полухина*

Редактор *Андрей Олеар*

Переводы с английского — *Анастасия Кузнецова, Андрей Олеар*

Переводы с венгерского — *Виктор Лойша*

Технический редактор и корректор *Надежда Митрошина*

Оператор компьютерной вёрстки *Владислав Куприянов*

Подготовка иллюстраций — *Ирина Подборская*

Менеджер издания *Татьяна Мут*

Подписано в печать 01.02.2015. Формат 205 x 220 мм.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Gazeta Titul.
Усл. печ. л. 52,08. Тираж 2000 экз.
Заказ № 0611-15

Издательство Андрея Олеара (ООО «ИД СК-С»)
Россия, 634055, г. Томск, ул. Вавилова, 14.
Тел./факс: (3822) 493-400, 493-403.
E-mail: olearbox@yandex.ru

Отпечатано в типографии ООО «Дом Мира»
630033, г. Новосибирск, ул. Брюллова, 6а.
Тел./факс: (383) 334-02-71 (...75).
www.dealprint.ru

Грей Гаури

Происхождение (2012). Перевод с английского А. Олеара389

2013

Фиона Сэмпсон

Читая Бродского на ночь (2013)

Перевод с английского А. Олеара391

Джордж Сиртеш

Горе (2013). Перевод с английского А. Олеара392

Ричард Маккейн

Pro и Contra J. B. (2013). Перевод с английского А. Олеара393

Дэвид Морфет

«Формула-1» Бродского (2013)

Перевод с английского А. Олеара394

Рой Фишер

Обмен валюты (2013). Перевод с английского А. Олеара396

Роуэн Уильямс

Вавилонские воды (2013). Перевод с английского А. Олеара397

2014

Ольга Шварова

«Нет, не учёный кот, но химеры чужих преданий...» (2014)

Перевод с английского А. Олеара399

III. Postscriptum

Юз Алешковский

Эхо «Кошачьего “мяу”» (эссе, 2013)402

Осенний романс (1969)404

О наших авторах406

Стихи, не включённые в Антологию468

Послесловие

В. А. Суханов. Нескончаемое тире473

Нескончаемое тире

Ведь он — чудо.

А. Ахматова

Послесловие писалось трудно. Сложность заключалась в том, что многообразие включённого в Антологию материала таило опасность разговора о «бахроме» (И. Бродский), в то время как хотелось сказать о целостности и цельности, для понимания которых требовалось обретение иной позиции — когда книга «угадана до конца» (А. Тарковский). Только такая позиция давала возможность говорить об уникальности этой книги. И здесь на помощь пришла поэзия её главного героя.

Неизвестно, что сказал бы он, попадись ему в руки эта книга. Гадать не стоит, потому что Иосиф Александрович был непредсказуем, как непредсказуема подлинная поэтическая свобода. К тому же гадание — дело интересное, но неблагодарное. Совсем другое — посмотреть, что и как говорит эта книга о нём, потому что, созданная разными по возрасту, таланту, эстетическим, мировоззренческим и художественным пристрастиям авторами, проживающими «в различных городах и весях», она, как ни странно, сотворена в системе координат, крайние точки которой были указаны поэтом в своём творчестве. Валентина Полухина, составитель этой удивительной книги и замечательный исследователь творчества И. Бродского, собирая и выстраивая то, что скромно назвала «антологией», думается мне, ощущала эти метафизические подсказки героя и, одновременно, истинного её автора. И если поэзия Бродского, как и небо, не нуждается в оправдании, то эта книга — Атлант, поддерживающий её в быстро меняющемся человеческом мире. Это ощущение дополняется не только многослойным, изотопическим обра-

зом Бродского, создаваемым всей концепцией издания, но и его рисунками, в которых визуальная материя — неожиданное продолжение вербальной плоти поэтического языка. Создаётся удивительное и почти фантастическое ощущение, что Иосиф Александрович, при всей его трагической иронии и античном стоицизме, вдруг взял и сам проиллюстрировал стихи о себе.

«Глаз чувствует, что требуется вещь, которую пристрастно рассмотреть» — так он, перефразируя пастернаковское «Во всём мне хочется дойти до самой сути», сформулировал первый вектор своего отношения и проникновения в суть вещей и, одновременно, эмоциональный и интеллектуальный характер переживания и «проживания самого существования с максимальной интенсивностью» (Я. Гордин). И мир этой книги создан пристрастным отношением к её главному герою и его текстам всех многочисленных авторов. Важно, что эта «пристрастность» — особого рода: она не одномерна, не сводится к одному модусу оценивания, а включает тончайшие оттенки, в том числе и иронические, образуя галерею переходов и развития одного (да простит меня Иосиф Александрович, так не любивший «множественного числа!»), коллективного отношения собратьев по перу к феномену И. Б., обнаруживая многочисленные и поэтические и человеческие его метаморфозы, столь занимавшие Бродского в поэзии Овидия.

Кроме пристрастности как страстности, чувства, это ещё и «пристрастность» другого рода — гносеологическая заинтересованность многочисленных субъектов речи и субъектов сознания, пылливо всматривающихся в само существо феномена И. Б. в стремлении разгадать «чудо» (А. Ахматова) и понять «судьбу» (Е. Рейн), явить тайну гения, «возвращающего архангелов» (Г. Сапгир), и тайну человека «с биографией» (А. Кушнер). Пристрастность поднимает занавес единого отношения к Бродскому: он в центре сцены, такой понятный и такой необъяснимый, превратившийся в «лучшего и единственного адресата» (Е. Рейн).

И другой вектор — вектор удаления, на границе которого всякое живое превращается в «точку, оставшуюся от угла», в знак, становящийся «чем дальше, тем беспредметнее» (И. Бродский), — задан гениальным поэтом с ещё большей, как представляется, художественной силой, чем у Кавафиса, и пронизывает текстовую ткань

книги. Как писал Бродский: «...но правда: близкое в сумерках сходится в чём-то с далёю» («Посвящается Чехову»). Крайняя степень пережитой страстности — бесстрастность, обретаемая благодаря онтологической дистанции, заданной смертью, и дающая возможность целостно обозреть то, что раньше не виделось, определяя превращение феноменального (видимого) в ноуменальное (мыслимое). И здесь нет противоречия, потому что оба вектора представляют два аспекта фундаментальной единственности. Семантическое превращение в «точку» определило возможность развёртывания не только витальности и плоти Бродского-человека, но и метафизической бесконечности его поэтического сознания как метакультурного.

В границах этой системы координат разворачиваются сюжет и метасюжет Антологии — как книги об экзистенциальном мужестве быть и писать в мире, представляющем «помесь тупика с перспективой». На уровне сюжета — это попытка прорыва через субъективную «кажимость» к истине, раскрывающей нам подлинный масштаб личности, превосходящей свой «железный» век, «век-волкодав»; на уровне метасюжета — это история Поэта, в век одноразовой культуры отчаянно отстаивающего то немногое, что ещё осталось у человечества: философскую мысль и подлинную культуру, творимую «звёздами», а не «цикадами».

Если герой Антологии определил доминанту своего изображения, то каков автор, созданный не только совокупностью отдельных видений и голосов, но и мужеством отбора и философией составителя? Валентина Полухина — и как исследователь, и как составитель — конгениальна выбранному герою, потому что превращает Антологию, с её разными по эмоциональной тональности поэтическими и прозаическими оригинальными и переводными текстами, с разными, подчас противоположными, жанрами, в единое высказывание, человеческая и художественная логика которого ведёт к обнаружению со-родственности Бродского не только творцам текстов о нём, но и — в большей степени — его со-родственности великим ушедшим Другим — творцам идей и языка, его со-родственности самому составу Бытия.

Этот единый автор определяет единство поэтики (а с ним и художественную целостность всей книги) — поэтики повтора, подражания для заражённого «нормальным классицизмом» персонажа: повтора на уровне телесного образа («рыжий», слегка «картавый») и

поведенческих особенностей (жестов, манеры поведения, чтения и говорения), одних и тех же черт характера (категоричный в спорах, свободолюбивый, делающий всегда то, что считает нужным), повтора бытовых, жизненных слабостей (курение, алкоголь, любимый кот как неизменные атрибуты Бродского-человека), наконец, в обращениях «друг», «брат», «учитель» и т. д. Это — повторы сюжетных ситуаций (прогулки с Бродским, разговоры о литературе, воспоминания о совместно пережитых жизненных ситуациях, о личных, порой случайных встречах и т. д.) и лирических коллизий, повторы позиций субъектов речи (от знакомства до косвенной причастности) и жанров (*in memoriam*), это — многочисленные отсылки к одним и тем же текстам и отдельным мотивам поэзии Бродского, повторы поэтических контекстов мировой и русской поэзии, западных и отечественных поэтических авторитетов, к которым апеллировал Бродский-поэт, наконец, топосов различных стран и континентов — от Ленинграда и Васильевского острова до Венеции и кладбища Сан-Микеле.

В результате Бродский оказывается многократно отражённым в зеркалах с различной отражающей поверхностью, разной величины и кривизны, отчего эффект его присутствия многократно усиливается. Хронология представленных текстов уже своим собственным скупым языком дат создаёт иллюзию незавершённости, бесконечной процессуальности длящегося тире, заключённого между датами рождения и смерти, экзистенциального повторения-заклинания: «...Но быть живым, живым и только, / Живым и только до конца» (Б. Пастернак), предстаёт как попытка заговорить «костлявую», передать «дух... находящий слова» (И. Бродский).

Так образуется единство множественности: многообразные авторские голоса книги соединяются в хор, в «эхо, мелодию, голос...» (Д. Уолкотт), преодолевая индивидуальное в хоровом многоголосии, в полифонии (где каждый расслышит то, на что способен его слух), на наших глазах превращаются в симфонию с одним автором, это — заинтересованное сознание знавших и/или читавших, творящее и новую реальность *его* существования, и новую мифологию. Увиденный через призмы многих сознаний, Иосиф Бродский в Антологии предстаёт и образом, и символом, и концептом, и становящимся на наших глазах мифом. С образом, как заметил Л. Витгенштейн, можно не соглашаться, но его нельзя отрицать, поэтому рождаю-

щийся в этой симфонии образ поэта так же уникален, как и его вклад в развитие русской и мировой поэзии.

Как известно, всё имеет свои причины и следствия, иногда — невидимые. И эта книга не исключение, потому что издана она в том месте, в котором и хотел бы жить её герой. С одной оговоркой: здесь нет моря. Но зато здесь есть понимание того, что значит Бродский-творец и какова созданная им поэтическая вселенная. Понимание это уходит и в многолетний интерес одного из его пытливых переводчиков (А. М. Олеар. «“Письмо археологу” ...». Томск, 2004), и в исследовательский интерес кафедры истории русской литературы XX века Национального исследовательского Томского государственного университета, собравшей коллективную монографию «*Чернеть на белом, откуда белое есть...: Антиномии Иосифа Бродского*» (Томск, 2006) и организовавшей международный научный семинар по творчеству поэта (Томск, 2012), которым руководила профессор Валентина Полухина (Великобритания), и в издательскую практику уже многих книг, связанных с И. Бродским (Плеханова И. И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Томск, 2012; Полухина В. П. Эвтерпа и Клио Иосифа Бродского: Хронология жизни и творчества. Томск, 2012). Именно этим пониманием рождена человеческая и исследовательская дружба моих коллег с удивительной Валентиной Полухиной, так много сделавшей для изучения творчества И. Бродского и культурного соединения Запада и Востока, России и мира. И Антология — не только о нём, но и о том следе, который он оставил в мировой культуре, о том свете, который по закону рассеивания охватил разные страны и континенты. Она о самом главном, чем занимался поэт, — о *сохранении духа поэзии*, которая, как метко определил М. Хайдеггер, «сестра философии». Эта книга — акт самопознания, самосознания, освоения сотворённого в культуре и культурой. Человека нельзя завершить, пока он жив, — считал М. М. Бахтин. Но поэтического гения, как показывает эта книга, нельзя завершить и тогда, когда он мёртв, потому что любые попытки завершения и овнешнения сталкиваются с потенциальной силой смыслов, открывающих возможность бесконечного диалога с ним. «Ведь он — чудо», к разгадке которого и приближает эта удивительная книга.